

Sasha Han



Жизнь
ПОД ПРИЦЕЛОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Sasha Han

Жизнь под прицелом

<https://litres.ru/74014596>

SelfPub; 2026

Аннотация

О-ле-ся, или просто Леся. Шоколад оказался не таким сладким, как показалось вначале – олигарх поймался быстро и даже пригласил к себе жить! Так и до замужества недолго! Только вот незадача – Леся случайно узнает, что все его бывшие пассии почему-то бесследно пропали ... А еще ... В ее «обязанности» оказывается входит развлечение не только его самого, но и его партнеров ...

Что-то напоминает, да? Только в этот раз все пошло совсем не по плану, и олигарх оказался не в дамках. Потому что у куколки Леси богатый и экстремальный опыт общения с мужчинами – шесть лет с пятью парнями, которые совсем не давали ей расслабиться. Но и многому научили.

Итак – это первая книга из серии. Мы же помним – парней-то пять.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2.	10
Глава 3.	16
Глава 4.	23
Глава 5.	30
Глава 6.	37
Глава 7.	44
Глава 8.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Sasha Han

Жизнь под прицелом

Глава 1

О-ле-ся...

Это меня так зовут. Три слога, которые звучат как заклинание, когда их произносят правильно — мягко, с едва заметной паузой между гласными, будто пробуют на вкус и не торопятся глотать. Слышу своё имя — и где-то в груди всякий раз что-то откликается, как струна, которую тронули пальцем. А вообще обычно не зовут — сама прихожу. Ну да, шутка такая неудачная, я знаю. Порой слышу собственный смех над ней — сухой, немного ироничный, будто это смеюсь не я, а кто-то другой, наблюдающий за моей жизнью со стороны.

Знаете — а я жить люблю. Ну нравится мне. Каждая клеточка тела отзывается на это слово — жить. Я чувствую, как воздух наполняет лёгкие — холодный, чуть сладкий по утрам, — как кровь пульсирует в венах у запястий ровным, успокаивающим ритмом, как веки приятно тяжелеют перед сном. Я не из тех, кто всё время пытается доказать, что там что-то не так. Нравится мне. И утром просыпаться — когда первые лучи солнца пробираются сквозь щели в што-

рах, оставляя на простыне золотистые полосы, и пахнет свежестью, какой-то необъяснимой чистотой нового дня, и ты несколько секунд лежишь вот так, не шевелясь, и слышишь только собственное дыхание и далёкие городские звуки за окном. И вечером на луну смотреть — когда она висит над городом бледным диском, и ночной ветер приносит запахи откуда-то издалека — то ли цветов, то ли нагретого асфальта, то ли чужих жизней. И закат, когда небо становится цвета спелого персика, а потом темнеет до фиолетового — медленно, как чернила в воде. И рассвет, когда мир словно заново рождается в серебристой дымке, и воздух звенит от птичьего шума, и кожа ещё помнит ночной холод. И полдень, когда солнце обжигает открытые плечи, а асфальт плавится под каблуками и слышно, как он чуть потрескивает. И дождь — эти тысячи мелких ударов по крыше, по окнам, этот запах мокрой земли, который ни с чем не спутаешь, этот серебряный шум, обволакивающий всё вокруг, — под него хочется накрыться пледом и ни о чём не думать. И солнце — горячее, щедрое, заставляющее прищуриваться и улыбаться одновременно.

А сколько мест, которые я ещё не посетила! И поверьте мне, у меня есть основания вам говорить, что жизнь — самый отличный подарок, который вы когда-то получали. Ведь лично моя постоянно последнее время под угрозой. И когда знаешь это, начинаешь замечать детали: как кофе оставляет горьковатое послевкусие на языке, как шёлк скользит по ко-

же при каждом движении, как музыка вибрирует в груди, а не просто звучит в ушах. Всё становится ярче, отчётливее, будто кто-то увеличил контрастность мира и повернул резкость до упора.

Шесть лет назад. Невинная девочка Леся оказалась одна в квартире с пятью мажорами.

Страх вонзился в меня, как игла со льдом внутри, растекаясь по венам холодной ртутью. Пальцы онемели, покрылись мелкой дрожью — словно чужие, не слушающиеся. Во рту мгновенно пересохло, появился вкус старой монеты, металлический и горький. Они предупредили — обыденно, небрежно, точно обсуждали прогноз погоды на завтра: соседей у Севы нет, квартиры слева и справа пустуют. На всякий случай. Если мне вдруг захочется «пошуметь».

Захочется? У меня вообще не было никаких желаний, кроме одного — испариться, раствориться в воздухе, перестать существовать от обиды на собственную беспредельную глупость. Комната вокруг казалась неестественно огромной — потолки уходили куда-то в бесконечность, стены разъезжались в стороны, воздух стал вязким, недостаточным, будто его кто-то разбавил водой. Каждый вдох давался с усилием, грудная клетка сжималась невидимыми тисками, рёбра ныли.

Они продолжали говорить — их голоса доносились приглушённо, словно через толщу воды, — и каждое слово осе-

дало на мне свинцовой тяжестью: заткнут рот, если начну кричать. Свяжут руки и ноги. Ни того, ни другого мне категорически, панически не хотелось. Слышала, как кто-то засмеялся — резко, коротко, и этот смех прорезал воздух, как нож.

Пульс колотился в висках, в шее, в запястьях — гулкий, частый, заглушающий любые попытки соображать. Нужно понимать — они были под кокаином. Это объясняло многое: зрачки расширены до чёрных колодцев, глаза блестят лихорадочным, нездоровым блеском, движения резкие, нервные, словно по телу пропускают разряды тока. Чувствовала это почти физически — ту особую, на взводе, энергию, которая бьёт в воздух и заставляет твои собственные нервы натягиваться в ответ.

В воздухе витало что-то хищное, электрическое — ощущение опасности царапало кожу, заставляло сжиматься в комок. — Это Глеб, это Тёма и Вася, — представлял мне своих друзей уже Сева, медленно, но методично снимая с меня одежду. Его пальцы скользили по коже — холодные, уверенные, точно знающие, что делают. Я слышала своё собственное дыхание — короткое, неровное — и чувствовала, как под этими пальцами кожа покрывается мурашками.

Вот так вот — и закончилась моя тихая жизнь первокурсницы. Хотя тогда я ещё не знала, что она закончилась. Тогда я думала — это один раз. Такое бывает. Это просто случилось, и оно закончится, и я уйду, и ничего этого не было.

Ага. Щас.

Текущее время. Лесе уже 24. А за спиной, можно сказать, целая жизнь.

Папика своего я долго вылавливала. Сколько денег потратила — ужась. Часы сидения в этих заведениях, где кожаные кресла скрипят под весом постоянных посетителей, где воздух пропитан смесью дорогих духов, виски и едва уловимого аромата сигар — несмотря на запрет курения. Этот запах я ни с чем не путаю: тяжёлый, обволакивающий, с горькой табачной подложкой. В таких заведениях даже кофе знаете сколько стоит? Маленькая чашечка эспрессо, из которой поднимается тонкая струйка пара, обжигаяще горькая жидкость цвета тёмного шоколада — за неё можно отдать столько, сколько обычный человек тратит на неделю продуктов. Ну знаете, наверное, а если не знаете, то и не надо вам голову забивать ненужными вещами.

Так вот. Можно было бы податься в эскорт. Но, пardon, не могу. Даже представить не могу — делать то, что говорят. Именно тогда, когда говорят. Улыбаться по команде, раздвигать ноги по расписанию. От одной мысли внутри всё сжимается в тугий комок протеста — физически, прямо под рёбрами, неприятным холодным ощущением. Свободная я девушка, если можно так выразиться, учитывая многочисленные обстоятельства моей довольно разнообразной жизни.

Девушка я с опытом, так сказать. Очень разнообразным.

Опыт этот оставил следы — не только на коже (хотя и на ней тоже, и я потратила приличную сумму на лазерную шлифовку, чтобы не было видно), а где-то глубже: в том, как я читаю людей по мельчайшим сигналам — наклону плеч, темпу дыхания, тому, как человек держит руки; как слышу ложь в голосах за долю секунды до того, как мозг её формулирует словами; как чувствую опасность кончиками пальцев, будто она электризует воздух вокруг и покалывает кожу.

А на вид прям куколка, барби, блять. Смотрю на себя в зеркало — и правда, картинка. Волосы шелковистые, шатенистые, переливаются на свету оттенками карамели и мёда, рассыпаются по плечам мягкой волной. Провожу по ним ладонью — скользят сквозь пальцы, как вода, чуть щекочут кожу. Глазки зелёные, глубокие, большие — оттенка молодой весенней листвы, с золотистыми искорками у зрачков, которые особенно заметны на солнце. Губки — ах, прям сама каждый раз себе завидую. Полные, с чётким контуром, цвета спелой вишни даже без помады. Спасибо папа и мама! За это зачёт!

Глава 2.

Правда, с некоторого времени меня воспитывали бабушка и дедушка. В их квартире всегда пахло пирогами и какими-то старыми вещами — той особенной смесью нафталина, лаванды и времени, которая есть только у по-настоящему обжитых домов. Бабушкины морщинистые ладони, пахнущие кремом «Детский», гладили меня по голове перед сном — медленно, успокаивающе, и я чувствовала тепло этих ладоней и то, как отступает тревога. Дедушкин хриплый голос читал сказки, а я чувствовала вибрацию его грудной клетки, прижавшись щекой к его свитеру, колючему и тёплому одновременно — колючесть снаружи и тепло внутри, вот так примерно. Папа и мама всё как-то больше по заграницам. Деньги присылали. По видеосвязи созванивались — я видела их пикселизированные лица на экране ноутбука, слышала запаздывающие голоса, искажённые связью, и чувствовала холодок от этой дистанции, которую никакие технологии не могли сократить. Но сами понимаете — это не совсем то. Хотя всё равно приятно, что где-то кто-то о тебе думает и считает дочерью.

К тому, что воспитание и образование у меня очень даже — Университет, красный диплом, все дела. Бабушка следила за каждой моей пятёркой, дедушка учил держать спину прямо и смотреть людям в глаза. А вот заступиться было неко-

му. Поэтому всё сама-сама. Научилась сама сжимать зубы, когда больно — так, что скулы болят потом. Сама вытирать слёзы, пока их ещё никто не увидел. Сама улыбаться, когда хочется кричать. Ну, про это позже.

А сейчас вернёмся к папику. Миша. Высокий такой, статный, как говорят, мужчина. Под метр девяносто, широкоплечий, с выправкой бывшего спортсмена — видно по тому, как он двигается: уверенно, почти без лишних движений, — хотя сейчас уже с намёком на солидность в области живота. Олигарх, кстати. Прямо настоящий. Деньги у него пахнут — не в переносном смысле, а буквально: в его кабинете всегда стоит этот едва уловимый аромат новых купюр, кожи портфелей ручной работы, дорогого дерева. Тяжёлый запах власти и денег — если вы когда-нибудь чувствовали, то знаете, о чём я.

В гольф любит играть. И я научилась — а как же — положение обязывает. Чувствую теперь вес клюшки в руках — приятная тяжесть, она как будто продолжает руку, — слышу этот особенный звук удара, чёткий, чистый щелчок, когда всё сделано правильно. Даже обыгрываю теперь. Вижу, как его лицо становится жёстким, когда я забиваю мяч точнее, чем он, но в глазах мелькает что-то похожее на гордость. Странное существо — гордится, что я лучше него, и злится одновременно. Но не очень-то долго я с ним, а вот в гольф уже играю. Ещё один полезный навык в копилку.

Вообще он что-то такое говорил, что я мол выбиваюсь из его обычно-привычного выбора... Да, видимо, обычно это эскорт. Девушки с прайс-листом в голове, с отработанными улыбками и профессиональными стопами. Только всё равно он долго с этими девушками тусовался. Дольше, чем полагается. Не как обычно другие — использовал и выбросил. Я просто ему, мягко говоря, несколько раз на глаза попала в этих самых очень-очень дорогих заведениях. Ловила его взгляд — он скользил по мне, задерживался, возвращался. Специально садилась так, чтобы свет падал на волосы, чтобы видно было изгиб шеи, линию плеч. Чувствовала этот взгляд на себе — почти физически, как лёгкое прикосновение. И даже в тот же спортзал попала — вот это уже был топчик. Я в своём костюмчике обтягивающем, в лосинах, которые сидели как влитые, подчёркивая каждую линию. Делала упражнения напротив зеркала, чувствовала его взгляд на себе — тяжёлый, оценивающий, голодный. Ну кто же может устоять?

На самом деле шучу. Не совсем у меня модельная внешность — рост ниже среднего, всего метр шестьдесят три, приходится носить каблуки, чтобы казаться выше. Ножки хорошие, да, но не от ушей — нормальные человеческие ноги, крепкие, с красивой икрой, но без этой болезненной худобы подиумов. Но в целом — аппетитная, так можно сказать. Чувствую, как мужчины провожают взглядом — не с восхищением супермоделью, а с вполне конкретным жела-

нием потрогать, прижать, попробовать.

И на самом деле просто так совпало — он с какой-то очередной расстался. Расстался — громко сказано. Скорее избавился. Но я тогда об этом ещё не знала. А тут я в спортзале. Музыка гремела в наушниках, сердце стучало в ритм упражнениям. Поехали в ресторан сначала для приличия... Я же вроде не с эскорта. Сидели напротив друг друга за столиком у окна, откуда был виден весь город в огнях — огни отражались в стекле и плавали, переливались. Он смотрел на меня поверх бокала с вином, которое отбрасывало рубиновые блики на белую скатерть. Говорил что-то умное, проверял реакцию — я слушала, отвечала, видела, как он оценивает каждое слово, каждый жест, каждую паузу. Умный. Это приятно. Ну а потом уже сразу в постель. В его городской квартире пахло дорогим деревом и чем-то мускусным — наверное, его одеколоном, это запах остаётся на коже и на простынях, и когда он уходит, воздух ещё долго держит его. Простыни были из египетского хлопка — я запомнила, как они приятно охладили разгоряченную кожу, как это было... правильно, что ли. Говорит, понравилось — ну значит так тому и быть! Отлично. Бинго.

Щедрый, ёлки палки. Подарки просто сыпались — коробочки от ювелира, увесистые, с атласной подкладкой внутри, холодный блеск бриллиантов на пальцах. Цветы — огромные букеты, от которых кружилась голова, сладкий густой аромат роз заполнял всю спальню. Деньги на карточках, ко-

торые регулярно пополнялись. Но он и богатый, ёлки палки. У меня привычка заглядывать в документы. Цифры впечатляли — нули выстраивались в ряды, как солдаты, миллионы, десятки миллионов. Комп его манил — притягивал, как магнит.

Я, между прочим, кое-что умею. Пальцы сами знали, какие клавиши нажимать, как обходить простые пароли, как открывать зашифрованные файлы — это было почти как инстинкт, тело помнило то, чему его научил Глеб, и действовало быстро, чётко, без лишних раздумий. Помимо того, что ему понравилось. Хорошо, что он об этом ничего не знал, а я не спешила рассказывать. Много будешь знать, так сказать — плохо будешь спать. А сон — это очень важно, товарищи!

А я и массаж умею делать. И даже расслабляющий. Чувствую под ладонями каждую мышцу, каждый узел напряжения — они твёрдые, почти болезненные на ощупь, когда человек зажат. Разминаю, надавливаю, глажу — слышу, как дыхание замедляется, становится глубже, ровнее. И даже успокаивающий. С маслом, которое пахнет лавандой и чем-то ещё пряным, с нужным нажимом, с точным попаданием в те места, где скапливается весь стресс — плечи, основание шеи, точка между лопатками. И спится потом зачётно. Он сначала не придавал значения тому, что я туда — в документы — регулярно заглядываю. Наверное, думал, что просто любопытная дурочка, которая ничего не понимает в финансовых отчётах и банковских выписках.

А потом стал напрягаться. Я видела — взгляд стал острее, челюсть напряглась, пауза перед ответом стала длиннее. Я бы тоже на его месте напряглась. Надо было быть осторожнее. Прикинулась овцой — мол, особо всё равно ничего не понимаю. Хлопала ресницами, строила наивные глазки, пожимала плечами — картинка невинности, нарисованная по памяти. Ага. Совсем. Но кажется, он не совсем поверил. Видела этот скептический прищур, это изучающее молчание — тишина, в которой работает мозг.

Мне вообще нравятся умные мужчины. Такие, с которыми можно поговорить не только о погоде и шопинге. Которые ловят твою мысль на полуслове, отвечают так, что приходится думать, а не просто кивать. Я им могу многое «скопировать» за хорошие мозги. Всегда, значит, будет интересно и не скучно. Особенно «переиграть» такого мужчинку — самое, что ни на есть, увлекательное занятие. Азарт разливается по венам, тёплый и быстрый, сердце бьётся чаще, в голове выстраиваются комбинации, как в шахматах, на несколько ходов вперёд. Хотя и сложное. И даже может не всегда выполнимое — но мы, так сказать, лёгких путей не ищем.

Глава 3.

Итак. Мозги — зачёт. Причём это из той серии, что называют мозг Макиавелли — такой вот хитро вымученный, с выворотом и перезаворотом. Многослойный, как пирог. Понимаешь одно, а он уже на три хода вперёд просчитал и ловушку расставил. Улыбается — и не видно, что за этой улыбкой. Это и интересно. Скучно, когда всё просто и прозрачно, как стакан воды.

Часто пытается в «своего» играть — в меру того, что позволяет ситуация. То есть, когда это ему выгодно и только тогда, когда ему это выгодно. Может обнять за плечи — тёпло, по-хозяйски, — назвать малышкой, спросить, как дела, с этой теплотой в голосе. Но только если нужно что-то получить или произвести впечатление на кого-то. В других случаях может такого «короля» включить, что прям и не подходит. Лицо каменеет, голос становится холодным, почти механическим, воздух вокруг него словно замерзает на градус-другой. Интересненько.

В шахматы тоже играем с ним. Сидим за резной доской из карельской берёзы, фигуры тяжёлые, мраморные, приятно холодят ладонь — я беру фигуру и несколько секунд просто держу её, ощущая вес. Тишина в кабинете — глубокая, почти осязаемая, — только тиканье старинных часов на стене и негромкое постукивание фигур о доску. Запах кабин-

та: дерево, старая кожа кресел, тот самый его одеколон, едва уловимый. И знаете что — не всегда я выигрываю. Вижу, как он обдумывает ходы, как хмурится, как в глазах появляется этот хищный блеск, когда он видит выигрышную комбинацию. Или наоборот — как вам будет угодно. Иногда я специально даю ему выиграть — чувствую, что сегодня ему это нужно, что он на грани, и поражение может взорвать этот хрупкий баланс между нами.

Этого его партнёра — Дениску, видела уже который раз. Сидели в ресторане — в одном из тех, где меню без цен, а официанты двигаются бесшумно, как тени, и единственный звук — это тихая музыка где-то в глубине зала. Папик читал договор — я видела, как его глаза бегают по строчкам, как он прищуривается на особо важных местах. Естественно, я туда успела заглянуть — с расстояния, благо зрение хорошее. Разглядела цифры, условия, подписи — запоминаю быстро, это тоже навык.

Это чудо юдо с пруда было одето как... Даже трудно сказать как — кому он подражал? Чикагским бандитам 60-х годов? Или кому? Костюм в полоску, явно дорогой, но сидел как-то неправильно, будто с чужого плеча — плечи топорщились, полы расходились. Галстук яркий, кричащий, с золотым зажимом размером с грецкий орех. Запонки блестели, отражая свет люстры. Слишком много. Слишком кричаще. Тот, кто пытается доказать свою значимость внешним

видом, обычно компенсирует этим что-то другое. Это я точно говорю.

Вообще стиль был трудно понятен — ну типа выпендрёж во всём, чем только можно. Разговор, как из подворотни. Грубый, с этим особым жаргоном, который я слышала только в фильмах про девяностые. Милок — из какой же подворотни ты выполз? Но как выполз, так пополз прям хорошо! Раз с Мишей дела имел, значит, деньги есть, связи есть, крыша надёжная.

Смотрел он на меня уже который раз нескромно. Взгляд скользил по телу медленно, оценивающе, будто раздевал и примеривал одновременно. Задерживался на декольте, опускался ниже, возвращался к лицу. Меня это нервировало — кожа буквально ощущала этот взгляд, и ощущение было неприятным, как что-то липкое. Чувствовала себя товаром на витрине. Хотелось прикрыться, но нельзя было показывать слабость. Хотя всегда был с новой... девочкой. Каждый раз другая — блондинка, брюнетка, рыжая. Длинноногие, с накачанными губами, в платьях, которые оставляли мало места для воображения. Сменные куклы.

Девочка его направилась в уборную, так сказать, я тоже решила пойти — может, что узнаю у голубушки. Хотя надежды мало — но вдруг. Встала, почувствовала, как каблук стучат по мраморному полу — чёткий, звонкий звук в тишине ресторана, — как шёлк платья скользит по бёдрам при каждом шаге.

И стоим вот мы перед зеркалом, носики, блин, пудрим. Свет в дамской комнате мягкий, льстивый, пахнет дорогими духами и освежителем воздуха с нотами пиона — такой сладкий, почти приторный коктейль. Зеркало во всю стену отражает нас обеих — я в изумрудном платье, она в чём-то светло-персиковом и обтягивающем. Бросаю взгляд — хорошенькая. Молодая. Неопытная — это видно по тому, как держится, по тому, как смотрит в зеркало.

И я такая вся приторная, начинаю, натягивая улыбку пошире:

— Как тебе идёт это облегающее платье! — выдыхаю с придыханием. — Я вот тоже думаю такое взять, но пока не решилась. — Это типа был комплимент её фигуре, если она конечно это правильно поняла.

Она тут же ответила, где она его купила. Голос относительно низкий. Назвала бутик, цену, дизайнера. Здорово. Практичная. Или просто привыкла хвастаться покупками.

— А ты давно с Денисом Валерьевичем встречаешься? — Произношу имя с подчёркнутым уважением, немного наклоняюсь к ней, как будто делюсь секретом. На слове «встречаешься» её глаза округлились — я видела это в зеркале, как зрачки расширились на долю секунды. Ну да — трахаешься — более точное определение, но я же культурная девочка.

— Второй раз, — как-то даже немного смутившись, ответила она. Румянец проступил на щеках, явно не от румян. Голос чуть дрогнул. Вообще какая-то начинающая. Неопыт-

ная. Но зато миленькая — большие карие глаза, правильные черты лица, кожа персикового цвета. Провал — она скорей всего ничего не знает. Наверное, вообще первый раз с таким типом связалась.

— Мне показалось, что Денис Валерьевич с юга? — Закинула удочку я, вроде бы между делом, поправляя локон волос.

— Мне кажется, с Волгодонска, — ого, девочка гораздо внимательнее, чем можно было предположить вначале. Значит, слушает, запоминает.

И тут это чудо юдо вваливается в женский туалет. Дверь распахнулась так резко, что ударилась о стену с глухим стуком, от которого мы обе вздрогнули — я это почувствовала, как вибрацию, которая прошла по телу снизу вверх. Наверное, подумал, что трансгендерные туалеты уже ввели. Да вроде же не собирались. Стоит, широко расставив ноги, руки в карманах, ухмыляется. Я, как бы смущаясь, говорю, опуская глаза:

— Так вроде это женский туалет... — Ух ты, блять, какая я скромная. Голос сделала тише, немного неуверенный.

Дальше следует пассаж в его репертуаре:

— А я в мужском не трахаюсь, — Голос грубый, с хрипотцой. Кстати, интересно — почему? И смотрит почему-то на меня. Прямо в глаза, не моргая, с этой наглой ухмылкой. А я, блять, трахаюсь нон-стоп в туалетах. Видимо, у меня на лбу написано. Он, наверное, думал — мы тут уже и трусы

поснимали, его ждём, с распростёртыми объятиями.

А дальше вообще перлы:

— В рот или в жопу? — Вопрос прозвучал так буднично, будто он спрашивал, какой кофе я предпочитаю. Предложение, которое не даёт возможности свободного выбора. Классический ультиматум. Ну да ладно, надо уже оставлять их здесь, пока руки не начал распускать.

— А ты на стреме постой, если трахаться не будешь! — Кричит он мне в спину, когда я уже разворачиваюсь к двери. Голос громкий, резкий — от него хочется пригнуться. Ага, сейчас шнурки поглажу.

Вернулась к папику — ноги несли сами, каблуки отбивали быстрый ритм, в ушах ещё стоял этот голос. Села рядом, разгладила платье, взяла себя в руки. Он на меня посмотрел как-то с интересом. Брови приподнял, в глазах мелькнуло любопытство, смешанное с чем-то ещё — подозрением? Ревностью?

— What?! — Я иногда перехожу на английский — ну так, когда по-русски уже нет слов. И глазки у меня такие круглые и невинные. Изображаю полное непонимание, что могло произойти.

— А что вы там делали? — Уточнил Миша. Голос ровный, но я слышу напряжение в нём, как натянутую струну — ещё не рвётся, но вот-вот.

— Мы? — Показывая на себя, уточнила я. Пальцем ткнула в грудь, наклонила голову. Ого, наверное, нафантазировала

вал уже себе. Было бы интересно даже узнать, что конкретно. Наверное, целую порнографическую сцену в голове прокрутил.

— Ну да, — Решил не спрыгивать с темы Миша. Смотрит прямо на меня, не отводя взгляда. Ждёт.

Глава 4.

— Просил постоять на стреме, но я решила, что они сами справятся, — Я бываю пошлой. Улыбаюсь уголком рта, в голос вкладываю эту едва уловимую иронию. И Мише это нравится. Вижу, как напряжение спадает с его плеч, как губы растягиваются в усмешке. Он усмехнулся — коротко выдохнул носом, качнул головой.

А вот на следующий день... Я узнала, что попала! А надо было напрячься уже тогда в ресторане. Надо было видеть знаки, слышать намёки, чувствовать опасность. Но нет — расслабилась. Решила, что всё под контролем. Ну и дура.

К вечеру он почему-то спросил:

— Так что, Денис тебе совсем не понравился? — Голос нейтральный, но я чувствую подвох — он как холодок между лопатками, необъяснимый, но настоящий. Естественно, он видел, как я реагировала на его «базар», так сказать. Видел, как морщилась от его слов, как отворачивалась. У меня, пардон, таких никогда не было. Ну извините — Университет, все дела. Образованные мальчики, которые хотя бы могли поддержать разговор о Достоевском или квантовой физике.

Я прекратила ловить ртом виноград, который он мне пытался положить в рот, когда я лежала у него на коленях головой. Кожа его джинсов приятно грубая под щекой, пахнет его

одеколоном и ещё чем-то — чистотой, мужским теплом. Он хотел бы, чтобы я за ним поднималась — за виноградом — но пардон, хочешь давай, не хочешь — проехали. Это не тот цирк, в котором я готова выступать. В итоге ему ничего не оставалось делать, как класть его мне прямо в рот. Виноград прохладный, сладкий, лопается на языке, брызжет соком.

— И что я сейчас должна сказать? — Как истинный еврей спросила я. Вопросом на вопрос. Приподнялась на локте, посмотрела на него снизу вверх.

— Ну нравится или нет, — Опять продолжал он продавливать тему. Конкретный мужик, блин. Когда что-то в голову вбил — будет долбить, пока не получит ответ.

— Можно уточнить, к чему этот вопрос? — Голос делаю тверже, убираю кокетство. — Мне казалось, это твой, а не мой партнёр. — Мне хотелось наконец услышать продолжение. К чему вся эта прелюдия?

— Знаешь, — Начал он, и я почувствовала, как его тело напряглось подо мной — каждая мышца вдруг стала жёстче. — Я знаю, я тебя не предупреждал, но раньше с другими девочками всегда так было — если я прошу, значит ты спишь и с моими партнёрами тоже.

Блять. Хорошо я виноград этот не жевала сейчас. Застыла, даже дышать перестала на секунду. Сука, продал. Интересно — за сколько? Какую скидку Дениска предложил за доступ к новому тельцу? Внутри всё похолодело и как будто провалилось куда-то вниз.

— А вариант — я не хочу, я уйду, я не согласна — рассматривается? — Решила всё-таки уточнить я. Голос спокойный — сама удивилась, как мне это удалось, — но внутри всё похолодело. Выпрямила спину, посмотрела ему в глаза. Держала взгляд.

— Нет, — Холодно, без возможности обсуждения ответил он. Одно слово, но в нём — приговор. Встал, направился к выходу из гостиной. Спина прямая, движения резкие. Видела, как сухожилия на шее напряглись, как плечи квадратом поднялись. Уходил человек, который уже всё решил.

— Ну хоть условия-то выгодные он тебе дал? — Уже уходящему Мише кинула я. В голосе сарказм, который я даже не пыталась скрыть.

— Выгодные-выгодные, — Чуть обернувшись, ответил он. И опять это... что-то в глазах. Было явно видно, что не очень его радует моя такая... понятливость, что ли. Прошаренность, точнее говоря. Может, он ожидал чего-то другого. А получил деловой расчёт. И это его насторожило. Я видела это по тому, как он задержал взгляд на мне лишнюю секунду — оценивал заново.

Так. Спокуха лягуха. Вдохнула глубоко — воздух обжёг лёгкие. Собираемся и делаем глубокий вздох. Выдох. Ещё раз. Сердце колотится где-то в горле, во рту пересохло, ладони горят. Как вы понимаете, в доме куча охраны и просто вот так встать и сигануть в окно было в общем не совсем логично и практично. Заборчик вокруг дома тоже впечатляет.

Ток по периметру.

Заходит это чудо юдо. Дверь открылась, впустила запах его парфюма — на удивление приятного, свежего, с нотками цитруса и кедра. Вот ведь парадокс природы: такой человек, а пахнет хорошо. Ох ты боже ж ты мой, как я рада вас видеть! Ну прям уже теку. Улыбочку, господа, отвлекаем внимание и думаем над программой вечера. И вот это коронное «В рот или в жопу?» — ну что за пошлость, где он её набрался? Ого, есть кажется догадочка... Которую я проверю чуть позже.

Ну и опуская все те пошлости, что я с ним проделала, можем перейти уже к итогу нашей встречи.

Понимаете, мужчинам нравится совсем не то, что они вслух декламируют. Хотят они совсем, совершенно другого. И это другое я и осуществила даже несмотря на то, что согласие на то не было получено. Знаю я некоторые приёмчики, которые могут помочь... временно вырубить человека любой комплекции. Называется этот приёмчик — сонная артерия. Пальцы знают, куда нажать. Секунда — и человек обесточен. Спасибо, Глеб, за науку.

Поэтому...

— Ты понимаешь, если что — я тебя просто... — Начинает угрожающе. Голос ещё слабый, но уже с привычными нотками.

— Что — ещё раз? — Улыбаюсь я, как будто мне прям так понравилось! Поворачиваюсь к нему, глаза округляю, рот

приоткрываю в предвкушении.

На самом деле он расслаблен и обесточен, и ничего он не хочет. Даже если бы захотел — не сможет. Совсем. Но делает вид, что грозный и опасный.

— Да нет, намекну твоему, чтобы побыстрее отправил тебя... в края далёкие... из которых не возвращаются, — А вот мы и подошли к теме разговора... О которой я догадывалась. Но пока ещё не проверила... А не поздно ли уже? Холодок пробежал по спине, медленный и противный.

О чём я догадывалась? Ну... Просматривала я профили некоторых его бывших в соцсетях. Часами сидела, листала ленты, сохраняла фотографии. Экран светился в темноте, пальцы листали и листали — и вот оно, это ощущение, когда находишь что-то, что лучше бы не находила. Что-то после расставания с папиком не появлялось там новых записей и фоток... Последний пост — полгода назад, год назад. А потом тишина. Страницы заброшены, как кладбища. Тишина в комментариях. Тишина в лентах. Просто — тишина.

— Ты знаешь, куда пропали предыдущие? — Задаёт наводящий вопрос Дениска. Голос ровный, почти безразличный. Но я слышу за этим угрозу — чувствую её так же ясно, как чувствуют запах дыма за секунду до того, как увидят огонь.

— Да вот боюсь, что догадываюсь, — Вздыхаю я. Тяжело, с каким-то странным облегчением даже. Наконец-то всё стало понятно. Ложусь к нему на грудь — кожа горячая, липкая от пота. Играю пальчиком с пупочком — обвожу, легонько

надавливаю. Он удивлён моим спокойствием. Ждал слёз, истерики, мольбы. А получил деловой разговор.

— Хочешь, я тебя выкуплю? — Предлагает. Да, мысль, безусловно, хорошая, только вот скорей всего неосуществимая. Но попробовать стоит.

— Да я-то хочу, — Смеюсь коротко, без юмора. — Только боюсь, Миша тебе такую цену вломит, что это будет, мягко говоря, экономически невыгодно, — Сокрушаюсь я. Голос делаю расстроенный, почти жалобный.

— Может, он такой, — Смеётся Дениска. Уже расслабленно, довольно. Слышу в этом смехе что-то нехорошее.

А мне-то не смешно. Совсем. Лоханулась я, товарищи. Такие вещи заранее надо выяснять. До того, как связываться. До того, как допускать близко. И делать-то мне что теперь? Думай Леся. Думай. Времени мало, а вариантов ещё меньше.

— А я думала, тебе понравилось, — Продолжаю поглаживать — уже всё ниже и ниже. Провожу ногтями по животу, веду к паху. Чувствую, как он вздрагивает — мелко, почти незаметно.

— Хм... — Боится признаться, но офигенно понравилось. Видела в глазах — удивление собственными ощущениями, желание повторить, и стыд за это желание одновременно.

— А может и не буду ни о чём ему намекать, — Говорит. Ну давай, Дениска, выдвигай свои условия. Что тебе надо, чтобы продлить мне жизнь?

— Телефон дашь? — Спрашивает. О, да конечно! Я тут

же записываю свой телефон к нему в мобилу. Пальцы быстро бегают по экрану, набирают цифры. Сохраняю под именем «Алёна ЛМ». Он усмехается — коротко, хищно.

Глава 5.

Сохранила. Обменялись, так сказать, контактами. Очень приятно. Смотрю на своё отражение в тёмном экране его телефона — маленькая, спокойная, улыбающаяся. Прямо куколка. А внутри — вертится, вертится одна мысль: времени у меня мало. Очень мало. Надо что-то придумывать. И придумывать быстро.

Ну что ж, Леся. Вот оно. Началось.

— Только ты же понимаешь — он меня особо никуда не отпускает и может даже следит... — Напоминаю ему про осторожность его делового партнёра. Голос — тихий, заговорщический. Наклоняюсь ближе, почти шепчу, чувствую, как по спине пробегает холодок от игры, которую веду. Запах его парфюма — дорогой, на удивление приятный — щекочет ноздри.

— Ну догадался уже, — задумчиво говорит он. В воздухе повисает пауза, густая и вязкая, как смола. Понятное дело — деньги важнее. Всегда важнее. Я вижу, как в его глазах что-то прощёлкивает, как шестерёнки в часовом механизме — он уже просчитывает, как повторить встречу ещё раз, или два... Ну, может, что и придумает. В конце концов мне это на руку — пока Миша видит, что он заинтересован ещё в одной встрече, возможно, не будет спешить... С моей ликви-

дацией. Ведь опять скидочку можно выморозить, ещё условия улучшить.

Да, может, он и не собирался... В ближайшее время. Может, планировал подольше эксплуатировать, пока не надоест. Честно говоря — не могу прочитать его до конца. Миша слишком многослойный, слишком непредсказуемый. Как дорогой коньяк — с виду янтарный и мягкий, а внутри — огонь. Короче, надо делать ноги по возможности. Бежать, исчезнуть, раствориться в воздухе, как сигаретный дым. А будет ли такая возможность? Или я уже зашла слишком далеко, и все выходы перекрыты — как в комнате без окон?

Лежу, слушаю его дыхание — уже ровное, сонное, с лёгким присвистом на выдохе. Смотрю в потолок с лепниной по периметру — белые завитки, гипсовые розетки, затейливые узоры, которые в полутьме превращаются во что-то живое и зловещее. Думаю. Планирую. Ищу выход из западни, которую сама же на себя захлопнула. Спина чуть затекла от неудобной позы, ткань постельного белья пахнет дорогим стирочным порошком — свежим, почти приторным. Тишина в комнате такая, что слышно, как тикают часы на прикроватном столике. Раз. Два. Три.

— Давай ещё помассирую, просто чтобы расслабиться, — произношу томно, растягивая слова, словно мёд стекает с ложки. Кончиками пальцев скользю по его плечам, чувствую, как под ладонями перекачиваются напряжённые мышцы — жёсткие, как канаты, — и медленно, миллиметр

за миллиметром, они начинают поддаваться. — Ты же устал, столько работы...

Он соглашается коротким кивком — тяжёлым, как у засыпающего человека. Веки его тяжелеют, дыхание замедляется, выравнивается. Свет настольной лампы отбрасывает мягкие янтарные тени на стены, делая комнату теплее и уютнее, чем она есть на самом деле.

В этот раз я довожу его до полного забытья. Движения моих рук становятся медленнее, увереннее — я знаю каждую точку, каждое прикосновение к которой отправляет его всё глубже в сон. Чувствую под пальцами, как напряжение постепенно вытекает из его тела — как воздух из проколотого шарика. Его дыхание выравнивается, становится глубоким и ровным. Наконец голова его безвольно склоняется набок. Он вырубается. Слышу, как тихонько посапывает — почти детски, почти мирно. Как будто перед тобой вполне нормальный человек, а не тот, кто... Ладно. Не время.

Мне нужно время. Мне нужно кое-что перепроверить ещё раз.

Бесшумно встаю с кровати. Матрас даже не скрипнул — хороший матрас, дорогой. Подхожу к шкафу, достаю миниатюрную камеру — она ещё тёплая, совсем недавно записывала. Пластик нагрелся от долгой работы, почти живой на ощупь.

Открываю ноутбук. Экран вспыхивает холодным синеватым светом, на мгновение ослепляя в полутёмной комнате

— прямо в глаза, как пощёчина. Прищуриваюсь, переживаю. Загружаю файлы на облако — три уровня шифрования, пароль, который знаю только я. Пусть лежат там, где их никто не найдёт, ну кроме моих мальчиков. Удаляю локальные копии, очищаю корзину, стираю историю. Пальцы бегут по клавишам почти автоматически — привычные движения, отточенные до автоматизма. Два часа я провожу с ноутбуком, склонившись над клавиатурой, напряжённо всматриваясь в мерцающие строки данных. Шея затекает, в глазах начинает пощипывать.

Да... Опасения полностью подтвердились. Все исчезли. Безвозвратно.

Откидываюсь на спинку кровати, выдыхаю медленно. Долго. Как будто выпускаю что-то, что держала внутри слишком долго. Ну не дура я, а? Хорошо, что успела перестраховаться.

Теперь мне срочно нужен Вадик.

Кто такой Вадик? А это уже совсем другая история...

+++++

++++

Шесть лет тому назад.

Кто же такой Вадик?

Ну, давайте по порядку.

Когда-то давным-давно, в другой жизни, жила-была девочка, страдающая вполне решаемой проблемой — девственностью. Хорошая такая девочка. Миленькая. С зелёны-

ми глазами, полными наивности и доверия — такими распахнутыми, что в них, наверное, всё что угодно можно было разглядеть, только не правду о людях. Звали её О-ле-ся.

И влюбилась она в плохого мальчика по имени Арсений. Все звали его Сеня.

Красавец. Картинка, а не мальчик — высокий, широкоплечий, с правильными чертами лица и улыбкой, от которой девчонки теряли голову и остатки здравого смысла. Тёмные шатенистые чуть вьющиеся волосы всегда уложены идеально, одевался со вкусом — не в смысле дорого, а в смысле, что знал, что к чему. От него пахло дорогим парфюмом с нотками ветивера и бергамота — сложным, взрослым запахом, который на двадцати двух летнего как-то не вязался, но оттого был ещё притягательнее.

Как мы познакомились? Да очень просто.

Я на первом курсе — зелёная, наивная, глаза распахнутые, верю всему, что говорят. Он на четвёртом — опытный, уверенный, знающий себе цену. Мне сказали, что у него можно купить тесты, шпаргалки, готовые контрольные. Вся эта подпольная торговля академической совестью.

Мы встретились в одном из холлов Универа. Запомнила этот холл до сих пор — высокие потолки, гул голосов, линолеум в клетку под ногами. Я просто подошла и сказала, что по делу. Он оглядывал меня с лёгкой улыбкой — медленно, оценивающе, как оценивают лошадь на ярмарке — а я уже таяла. Чувствовала, как краска приливает к щекам, как ды-

шать становится чуть труднее.

Сказал, что если пойду с ним в кафе, то всё бесплатно — и тесты, и материалы.

Такой красавчик приглашает в кафе! Да ещё тесты бесплатно! Да я побежала, а не пошла. Ноги сами несли меня за ним — я почти чувствовала, как земля пружинит под шагами, как сердце стучит где-то в горле. Смешно вспоминать сейчас. Смешно и немного больно.

Какая знакомая история, правда? Банальная до невозможности. Но, в общем и целом, всё бы было вполне пошло и предсказуемо, если бы...

Если бы не его друзья.

Было у него ещё четверо друзей. Ну и что? У всех молодых людей есть друзья, скажете вы. Конечно — я же тоже так думала тогда, наивная дурочка! Но вышло всё немного по-другому. Совсем по-другому.

На лишение меня девственности он пригласил только одного — Севу. Мол, чтобы засвидетельствовал мою девственность, подтвердил, что она была на месте.

Смешно, да? Прямо обхохочешься. Свидетель дефлорации — как это романтично звучит. Как в каком-то средневековом трактате о нравах.

Но я, как влюблённая кошка в марте, да ещё перезревшая в свои восемнадцать, согласилась. На всё. Не думала — просто соглашалась, как будто мозг временно отключили.

Помню, это был вечер четверга — тёплый, душный, с за-

пахом цветущих лип и выхлопных газов. Он привёз меня как раз на квартиру к этому своему другу Севе.

Тот оказался тоже симпатичным парнем, довольно крепким, но блондином с голубыми глазами. Холодными, как льдинки. Но очень наглым.

Он сразу осмотрел меня как будто меня привезли... для него. Хотя как я впоследствии уже узнала — оно так и было.

— Расслабься, не бойся, всё будет отлично, — он сразу начал массировать мои плечи, как я только оказалась в просторной светлой гостиной с ярко-красным большим диваном буквой Г посередине. Руки у него были сильные, уверенные — он давил на плечи так, словно заранее знал, что там мышцы зажаты, что нужно продавить. Запах его лосьона после бритья — резкий, спортивный — ударил в нос.

Я удивлённо оглядывалась на Сеню, но тот просто сел на этот самый диван, ожидая... Чего?

Сева подвёл меня, и Сеня начал раздевать. Я очень волновалась. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно на всю комнату. Первый раз и сразу с двумя? Как это?

Я ни в коем случае не держалась уже тогда за свою девственность и никак себе особенно это не представляла. Но так?

Глава 6.

Конечно, познакомившись с красавчиком Арсением, я даже в общем и обрадовалась, что он может быть моим первым, даже если отбросить все возможные мысли о том, что будет после. Всё равно.

Но в такой ситуации. Когда их почему-то двое... Сеня что-то старался всё время говорить, чтобы успокоить меня — голос его звучал ровно, почти гипнотически.

Ну и то, что я красивая, и что всё отлично, и чтобы я не стеснялась. Слова, слова, слова — они плыли над головой, как пузыри, и почти ничего не значили. Только звук.

Кстати, мою девственность Сева не засвидетельствовал. Потому что ни крови, никаких других спецэффектов не было. Плева у меня, видимо, растянулась ещё в детстве — верховая езда, гимнастика, велосипед. А может, просто такая физиология.

И первым — чисто технически — оказался почему-то Сева, а не Сеня.

Пока меня трахал один, я ручкой дрочила второму и наоборот. Механически, не понимая толком, что делаю. Всё прошло тихо и спокойно, почти обыденно — как будто это происходило не со мной, а с кем-то другим, за стеклом. Никакой романтики, никакой магии первого раза.

Но почему-то именно Сева заявил потом, что я их обма-

нула. Что никакая я не девственница.

А что я могла сказать? Я откуда знала, почему этого всего не было?

Сеня открыл интернет, погуглил. Вычитал, что бывает и такое — что девственная плева может отсутствовать или быть растянутой или порванной вследствие активного занятия спортом.

И это, собственно, послужило началом всего остального.

Когда они устроили мне парти вшестером — включая меня — это был... треш. Полный, абсолютный, беспросветный. Треш настолько концентрированный, что уже почти переходит в какой-то сюрреализм.

Сеня как-то одним пятничным вечером заехал за мной. Вечер был тёплый, пах весной и свежескошенной травой — влажной, зелёной, немного сладкой. Я-то, дура наивная, надеялась на романтический вечер вдвоём — может, в кино сходим, или просто погуляем, или в уютном кафе посидим. Представляла, как он возьмёт меня за руку, как будем говорить о чём-то лёгком и смешном, как он будет смотреть именно на меня — только на меня.

Он, собственно, ничего конкретного и не сказал по телефону. Просто: заеду, куда-нибудь съездим. А куда — не уточнил. Интригующе так.

Но мне-то было всё равно. Потому что с ним — куда угодно. Ну хоть на край света, хоть в никуда.

Потом, уже в машине — вполне приличном пежо, сереб-

ристом, пахнущем кожей сидений и кофейной таблеткой в держателе — он сказал, что поедem к Севе.

Ну, как вы уже поняли, у меня с Севой к тому моменту уже было. Но я расстроилась — хотелось побыть вдвоём, а не втроём. Слушала, как шуршат под колёсами ночные улицы, и молчала.

— Почему к Севе? — спросила я, не скрывая разочарования в голосе.

— А почему нет? — Арсений явно не собирался это обсуждать и посвящать меня в детали предстоящего вечера. Смотрел на дорогу, барабанил пальцами по рулю в такт музыке. Какой-то поп, беззаботный и бессмысленный — слышно, как бьётся бас через динамики.

— Ну, я думала... — начала было я, но запнулась.

А что, собственно, я думала? Если на первый секс со мной он пригласил друга — какие у меня были основания для иллюзий? Никаких. Просто иллюзии — они живут по своим законам, не считаясь с фактами.

— А тебе что, Сева не нравится? — спросил он, бросив на меня быстрый взгляд. Мельком — как бросают взгляд на светофор.

Нельзя было сказать, что Сева мне не нравился. Скажем прямо и честно — все его друзья были очень даже ничего себе. Симпатичные, спортивные, уверенные в себе. Но я-то в то время ещё чего-то там себе думала, мечтала... О любви. О верности. О том, что у нас с Сеней как будто что-то может

быть...

Когда мы вошли в квартиру, стало очевидно, что здесь не только Сева. А ещё трое. Слышались голоса, смех — громкий, хмельной, почти нахальный. Запах горелой пиццы и пива. Звук какой-то игры на телевизоре.

В общей сложности пять парней. Включая Сеню.

Сеня завёл меня в большую комнату — в самую настоящую гостиную с тем самым красным огромным диваном, журнальным столиком, на котором стояли баночки с энергетиками, кажется, пиво. Все смотрели на меня. Я видела их взгляды — оценивающие, любопытные, как будто разглядывают что-то интересное. Не человека. Предмет.

У Севы уже в то время была довольно классная квартира — просторная угловая, светлая и недалеко от центра. Высокие потолки, паркет под ногами — тёплый, слегка поскрипывающий.

Арсений начал меня сзади целовать. Руки скользнули под кофточку, нашли застёжку бюстгалтера. И раздевать.

— Сеня, ты что делаешь? — я как-то пыталась ещё притормозить, почувствовав неладное. Сердце упало куда-то вниз и забилось там отчаянно. В комнате стояла тишина — все смотрели на нас.

— А что я такого делаю? Я тебя раздеваю, — честно ответил Сеня, продолжая расстёгивать пуговицы. Голос ровный, как будто речь идёт о чём-то совершенно обычном.

— Да... я... зачем? — голос дрожал, руки тряслись. Слы-

шала собственный голос как чужой.

Я, естественно, смотрела фильмы для взрослых уже тогда — в качестве, так сказать, практического руководства. Примерно понимала, к чему это всё идёт. И это меня очень, очень пугало. Холодный пот на спине, ватные ноги.

— Что — ты? — подошёл Сева, встал передо мной вплотную. Запах его на тот момент самого модного парфюма ударил в нос — тяжёлый, сладковатый. Слышала его дыхание — ровное, уверенное.

— Боишься, что чего-то не умеешь? Так не бойся — мы научим.

И начал помогать раздевать меня.

* * *

Диалог Сени и Севы, который Леся не слышала.

Когда Сева заметил Сению с новой куколкой, она ему очень понравилась. Очень. Он сидел в курилке и смотрел на неё через окно — как она идёт по двору, как держит голову, как смеётся чему-то. Что-то в ней было — не просто красота, а что-то живое, незащищённое.

Они сидели в курилке университета — ну условно «курилке» — просто место, где это обычно делали большая часть студентов. Щурились от дыма, говорили вполголоса.

— А что это за куколка с тобой была вчера? — спросил Сева, затягиваясь сигаретой. Дым выпустил через нос, прищурился. Глаза цвета льда.

— Да так, с первого курса, — Арсений пожал плечами,

без особого энтузиазма ответил. — А что?

— Так ты её уже трахнул? — Сева хотел подробностей, глаза загорелись любопытством.

— Да нет... — помялся Сеня. — Девственница вроде как.

— Ну и что? — продолжил напирать Сева, наклонился ближе. Слышно, как сигарета потрескивает, догорая.

— Возиться не хочется, — резонно ответил Сеня, отвёл взгляд. — Может, потом как-нибудь.

— А давай вместе, — неожиданно предложил Сева. Улыбнулся широко, в улыбке читался азарт — нехороший такой азарт, охотничий.

— Вместе? Зачем? — удивился Сеня, брови поползли вверх.

— А что такого? Прикольно будет, — настаивал Сева, хлопнул его по плечу дружески. — К тому же... если что не так пойдёт, вдвоём как-то спокойнее, понимаешь?

— Так она может не согласиться, — попытался возразить Сеня, но голос звучал уже не так уверенно. Затянулся сигаретой, выдохнул медленно.

— А ты сделай так, чтобы согласилась, — прищурился Сева. — Ты же у нас умеешь девчонкам мозги пудрить, правильно?

И Сеня сделал так, чтобы согласилась. Как и всегда. Потому что на самом деле Сева у них был условно «главный». И умел добиваться своего. Это Сеня знал лучше, чем кто-либо. Иногда проще было согласиться, чем объяснять Севе,

почему нет.

+++++

Глава 7.

Дом Михаила Голицкого. Того самого олигарха. Текущее время.

Часа через три Миша, естественно, не выдерживает. Я слышу, как его шаги приближаются по коридору — тяжёлые, неровные, нервные. Каждый удар каблука о паркет — как удар в бубен. Он явно не понимает, что так долго происходит, и его терпение на исходе. Дверь распаивается резко, с силой — петли жалобно скрипят, как будто жалуется на хозяина.

Он замирает на пороге. Вот она — картина маслом, достойная музея. Может, повесить в Третьяковке между Репиным и Суриковым.

Дениска мирно посапывает на кровати, раскинувшись по диагонали, одна рука свесилась, едва не касаясь пола. Из приоткрытого рта доносится тихое сопение — ритмичное, безмятежное. Простыни смяты, подушка съехала. А я рядом сижу, скрестив ноги по-турецки, уткнувшись в светящийся экран ноутбука. Экран отражается в моих глазах голубоватыми бликами. Картина полного умиротворения и невинности.

— Что ты тут делаешь? — голос Миши режет воздух, в нём звенят металлические нотки раздражения. Слышу, как что-то сжимается — не он, нет, что-то в самом воздухе меж-

ду нами. Брови сдвинуты, глаза сузились до щелочек.

— А что мне надо делать? — откликаюсь я спокойно, даже не поднимая взгляда от экрана. — Это вроде моя спальня.

Тут Дениска начинает ворочаться. Слышу, как скрипнул матрас — раз, потом ещё раз. Веки его дрожат, глаза медленно открываются — мутные, невидящие поначалу. Он пытается сфокусировать взгляд, моргает часто-часто, как будто ловит что-то в воздухе.

Я нежно целую его в макушку — лёгкое прикосновение губами к тёплым растрёпанным волосам. Волосы на удивление мягкие, хотя со стороны такими не кажутся. Чувствую под губами слабое тепло, запах сна — немного сладкий, немного потный, человеческий.

Он удивлён. И моему неожиданному поведению, и тому, что умудрился вырубиться так крепко. Садится на кровати, проводит ладонью по лицу, пытаюсь прогнать остатки сна. Трёт глаза.

— Вы что тут делали? — Миша допытывается, делая упор на каждом слове. Подбородок выставлен вперёд, во взгляде застыло подозрение. Вижу, как напрягается у него скула.

— Да мы вроде не закончили ещё, — бормочет сонный Дениска, голос хриплый, слова путаются.

Опаньки... Про минет вспомнил.

Лицо Миши каменеет мгновенно — как будто кто-то нажал кнопку. Скулы обозначаются резче, ноздри раздуваются. Он в диком раздражении разворачивается и выходит, по-

чти хлопнув дверью. Косяк вздрагивает в стене — чувствую этот вздрог даже через подошвы ног. Слышу, как стихают его шаги по коридору — быстрые, резкие.

Ну что ты с ним будешь делать? Придётся доделать начатое. Снова беру инициативу в свои руки. А пальчики мои опять находят нужное место. Его накрывает по полной — тело выгибается дугой, пальцы вцепляются в простыню, костяшки белеют. Слышу сдавленный стон — тихий, почти беззвучный, но по нему всё понятно. Ну, надеюсь, теперь-то уж всё.

— Ладно, я пошёл, — Дениска начинает одеваться, движения резкие, торопливые. Натягивает рубашку, застёгивает пуговицы — пальцы слегка дрожат, первая пуговица никак не попадает в петлю. — Может, что придумаю...

Я накидываю свой шёлковый халатик — ткань прохладная, скользит по разогретой коже, как вода. Иду за ним, якобы проводить до дверей. Босые ступни мягко шлепают по паркету, слышу, как он чуть поскрипывает.

Перед уходом он останавливается, оборачивается к Мише. Что-то в его взгляде — задумчивость, что ли. Или наглость в чистом виде.

— Может, дашь мне её на неделю? — выдаёт Дениска.

Ого. Это для него прямо нереальный срок для одной бабы. Обычно ему хватает суток, максимум двух. Ну так — по моим прикидкам.

Миша удивлён — это мягко сказано. Брови взлетают

вверх, рот приоткрывается. Он откровенно опешил от такой наглости — вижу, как что-то меняется в его лице, как будто он пересчитывает уравнение заново.

— Подумаю, если что интересное предложишь, — отвечает он после паузы, глаза прищурены, в голосе затаилась ехидца. Поглаживает подбородок пальцем.

— Может, предложу, — Дениска явно сам не знает, что именно он может предложить взамен. Но повторить-то хочется — это написано по всему его лицу, в каждой чёрточке: во взгляде застыло томление, губы чуть припухли, держится с нарочитой небрежностью.

Я жду, что сейчас будет дежурное «созвонимся», но, благо, ему хватает мозгов не делать этот жест. Разворачивается и уходит, не оглядываясь. Слышу, как хлопает входная дверь — негромко, солидно.

— Пойдём, — бросает Миша коротко, кивком указывая направление.

Мы идём в его спальню. Воздух густеет от невысказанного — как перед грозой, когда ещё не понятно, откуда ударит. Разговор явно будет не из приятных.

Уже в спальне он подходит вплотную, обхватывает мой подбородок пальцами — сжимает несильно, но властно, заставляя поднять голову. Пальцы тёплые, слегка грубоватые. Всматривается в моё лицо — долго, методично, как читают важный документ. Его взгляд скользит ниже, останавливается на шее.

Там остались следы от пальцев Дениса — когда он, подавшись противоречивым эмоциям от проделанного с ним «непотребства», схватил меня за шею. Чувствую, как горит кожа под его взглядом.

— А что, он тебя душил? — в голосе странная интонация. Ему интересно — в какой позе? Или почему не додушил до конца?

— Да всё нормально, — ускользаю я от прямого ответа, лёгкая улыбка на губах. Голос ровный — потренировалась за эти месяцы.

Опять удивление. Его лоб морщится, глаза расширяются.
— Ну и что ты там в ноутбуке смотрела? — допытывается Миша, не отпуская меня. Пальцы его тёплые, чуть влажные. Держит под подбородком — не больно, но настойчиво.

— Да так... — снова пытаюсь уйти от темы, отвожу взгляд в сторону, туда, где на стене висит какая-то безликая картина в дорогой раме.

— Я могу пойти и посмотреть сейчас, — в его голосе появляются угрожающие нотки. Слышу в них что-то твёрдое, как камень под бархатом.

Ага, а я вот такая дура — историю не стерла. Посмотрит он. Найдёт.

И тут меня, видимо, чёрт дёрнул за язык. Решаю идти ва-банк. Терять-то особо нечего — либо пан, либо пропал.

— Может, ты пока не будешь меня убивать? — я ложусь на кровать, поза открытая, приглашающая. Простыни под спи-

ной прохладные — шёлковые, слегка скользкие. Собственно, предлагаю перейти к действиям.

И зачем я это сказала? Ну вот зачем?

— Так ты... — смотрит он очень внимательно, напряжённо, пытаюсь понять, насколько именно я осведомлена о его делах. Зрачки расширяются, дыхание становится глубже — слышу его, чуть участившееся.

— Да, всё знаю, — выдыхаю я. — Смотрела профайлы твоих предыдущих, а там же даты под постами...

Пипец. Взгляд меняется на глазах — темнеет, становится почти чёрным, словно чернила разливаются по радужке. Что-то хищное, опасное проступает в его чертах — как будто смывается маска и под ней что-то совсем другое.

Хватает меня в бешенстве за шею — ладонь горячая, пальцы впиваются в кожу. Боже, да что же это такое? Что они меня сегодня все душат, будто сговорились?

Быстро расстёгивает брюки — слышу звук молнии, щелчок ремня, торопливый и злой. Всаживает резко, без предисловий. В принципе мне нравится, как он меня трахает — жёстко, требовательно, без ненужных нежностей. Только вот хватку он не ослабляет. Сволочь.

Воздуха не хватает. Лёгкие горят — как будто кто-то жжёт бумагу внутри. В глазах темнеет, по краям зрения наплывают чёрные пятна — сначала маленькие, потом всё больше. Всё...

Ан нет, не всё.

Глава 8.

Открываю глаза — холодная вода брызгает на лицо, стекает по вискам, капает с ресниц. Звук льющейся воды — звенящий и резкий, почти болезненно громкий после тишины. Начинаю кашлять — грудь сотрясается от спазмов, тру горло ладонями. Кожа под пальцами горячая, болезненная, наверняка уже наливается синяками. Зараза, чуть не придушил насмерть.

— Ты же будешь хорошей девочкой? — его голос звучит почти ласково, но в нём слышна сталь. Чистая, холодная сталь.

Интересно, а у меня есть какие-то варианты? Втягиваю воздух в лёгкие — жадно, со свистом, как будто впервые.

— Так я вроде и так хорошая девочка, — хрипло отвечаю, голос не слушается, даёт петуха. — И мне казалось, могу ещё пригодиться...

Он смотрит на меня внимательно, оценивающе. Думает, видимо, сколько ещё он с меня может выжать. Сколько я стою. Будем надеяться, что это даст мне хоть какую-то отсрочку. Хотя бы ещё один день. Хотя бы час.

— Я не сержусь, — пытаюсь сгладить ситуацию, изображаю покорность. Мол, овца я такая — душийте меня, пожалуйста, сколько угодно.

— И что же ты с ним такое сделала? — любопытство пе-

ресиливает настороженность. Он наклоняется ближе, я чувствую его дыхание на своём лице — горячее, с лёгким запахом виски.

— Да вроде всё как обычно, по заявленной программе, — улыбаюсь я, стараясь, чтобы улыбка вышла лёгкой, беззаботной. Как будто ничего не произошло.

Не верит. Это видно по тому, как сжимаются его губы, как вглядывается в моё лицо, ищет ложь — методично, как ищут иголку в стог сена. Но предположений всё равно нет. Камера-то была выключена — он не видел, что именно произошло.

— Зачем камеру выключила? — бросает вопрос резко, как удар кулаком по столу.

— Так он попросил, — опять прикидываюсь овцой, опускаю глаза покорно. Смотрю в пол — светлый паркет, едва заметные царапины.

Явно он не верит. Только понять не может, что же конкретно пошло не так. Это чувствуется — как ощущается запах перед дождём. Что-то висит в воздухе, что-то неразрешённое.

— Сиди дома пока, — показывает он на моё горло пальцем. — Да уж, красота, ничего не скажешь. Пурпурные отпечатки пальцев уже проступают на бледной коже, тянутся к ключицам — точно по размеру ладони.

— Мне надо уехать по делам, — встаёт он, направляется к выходу. Движения решительные, быстрые. Деловой человек,

ничего не поделаешь. Дела не ждут.

У дверей стоит Паша. Видимо, слышал весь разговор — или большую его часть. Стоит, опираясь плечом о косяк, лицо непроницаемое. Как камень. Как стена. Слышу, как он чуть переступает с ноги на ногу — единственное движение.

— Леся пока побудет дома, — бросает ему Миша через плечо.

Ну да. Куда ж я денусь.

Паша смотрит на моё горло. Смотрит долго — секунду, может, две. Взгляд его тоже темнеет — в глазах мелькает что-то опасное, хищное. Узнаваемое. И в этот момент я понимаю.

Да. Это он. Это он их убивал.

Зашибись. И сейчас Миша, по сути, оставляет меня один на один с этим Пашей. Наедине. Без свидетелей. Хотя... в конце концов, наверное, всё-таки в доме он не планирует этого делать. Слишком уж много следов останется, слишком рискованно. Кровь на светлом паркете плохо отмывается — это факт.

Надо мне как-то с этим Пашей подружиться. Срочно. Сегодня. Прямо сейчас.

— Я пойду тогда в свою комнату, да? — уточняю я, голос звучит тише, чем хотелось бы. Почти просяще. Ненавижу этот тон.

— Да, — холодно отвечает Миша и уходит.

Слышу, как удаляются его шаги по коридору — равно-

мерные, уверенные. Дальше по лестнице, потом пропадают. Потом уже слышу, как завелась машина во дворе — тихий рокот мотора, потом плавно поехала к воротам. Ворота открылись — металлический скрежет — и закрылись.

Паша запирает меня в моей спальне. Щелчок замка отзывается в тишине — маленький, точный.

Мне всегда есть чем заняться. Если ноутбук со мной. Да и йогой давно не занималась — тело затекло, мышцы требуют растяжки, каждый позвонок отдаёт тупой тягой. Да и поспать надо бы... Но важнее всего сейчас — с Пашей подружиться. Выжить.

Жду час, чтобы точно быть уверенной, что Миша уехал далеко. Он уехал надолго, я знаю примерно его распорядок на сегодня. Лежу на кровати, смотрю в потолок. Считаю минуты. Слышу, как тикают часы на прикроватном столике — методично, без эмоций. Раз. Два. Три.

Осторожно стучу в дверь костяшками пальцев. Тихо, несмело — три коротких стука, как будто это случайно. Сердце колотится в груди дробью — быстро, неровно. А камера-то всё ещё выключена...

— Что? — Паша открывает дверь резко, стоит на пороге широкоплечий, заполняет собой дверной проём — как будто стена. Смотрит сверху вниз.

— Может, зайдёшь? — предлагаю я. Голос звучит тише, чем обычно, почти интимно. Держу взгляд — прямо, открыто.

Он отлично знает, что камера выключена. В его глазах мелькает понимание — молниеносное, хищное. Пауза.

— Зачем? — уточняет он, но в голосе уже проскальзывает заинтересованность. Едва заметная — но я слышу.

А зайти-то хочет. Ещё как хочет. Хозяйскую шлюху отыметь — кто ж не захочет, когда хозяин далеко и замок снаружи, а значит, и алиби есть.

— Так вот затем же... — объясняю я, взглядом указывая на кровать.

— А ты не замоталась трахаться с ночи? — задаёт он резонный вопрос, усмешка кривит уголок губ. Правый уголок — левый остаётся серьёзным.

— А ты зайди — посмотрим, — предлагаю я, отступаю вглубь комнаты. Делаю два шага назад — медленно, как будто приглашаю.

Он колеблется. Оглядывается по сторонам — никого ли нет, не следит ли кто. Слышу, как он думает — почти физически. Уходит — видимо, проверить, кто где находится в доме. Слышу его шаги по коридору, как открываются и закрываются двери — один раз, второй, третий. Пауза.

Возвращается. И всё-таки заходит. Дверь закрывается за ним с тихим щелчком.

Я стою у стены, прислонившись спиной к прохладным обоям. Чувствую их текстуру через тонкую ткань халата. Молчу. Жду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.